10. Преодолевая различия. Концепция борьбы с дискриминацией в Европе. – М.: Международная амнистия, 2009. – 73 с.
11. Семенюта Н.Н. Запрет дискриминации в трудовых отношениях // Вестник Омского университета. – 1997. – № 2 (2). – С. 94-97.
12. Трифонова О.В. Словарь терминов к курсу по правам человека / О.В. Трифонова. – М.: Юристъ, 2012. – 428 с.

Кузьмичев Ю.В.

Вопросы совершенствования меры пресечения в виде запрета определенных действий как реализация дальнейшего обеспечения защиты прав и свобод граждан

*ФГКОУ ВО Уфимский юридический институт МВД России
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/sr-10-12-2019-30

idsp: sciencerussia-10-12-2019-30

Как известно, Федеральным законом от 18 апреля 2018 года «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации введена статья 105.1, предусматривающая новую меру пресечения в виде запрета на совершение определенных действий.

Данная, мера пресечения в виде запрета определенных действий представляет возможность возложения мер ограничивающего характера, предусмотренных частью 6 статьи 105.1 УПК Российской Федерации, в отношении подозреваемого или обвиняемого, например: запрет на выход в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях; использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» и другие запреты.

Анализ следственной практики говорит о том, что в ходе применения данной меры пресечения возникает необходимость решения ряда вопросов и проблемных моментов.

Например, реализуя положение Конституции Российской Федерации о гарантии каждому права на получение квалифицированной юридической помощи, иногда возникают вопросы о возможности дальнейшей реализации данного права – реального общения с защитником (адвокатом), при избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде запрета определенных действий, а именно – запрета использования средств связи и информационно – телекоммуникационной сети "Интернет".

Полагаю, что недостаточность конкретных положений по реализации данной проблемы, является основанием для разработки и внесения предложений по дальнейшему совершенствованию законодательства.

С целью реального исполнения подозреваемым или обвиняемым запрета определенных действий применяются аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля, предусмотренные законом. Между тем, возложенный на сотрудников Федеральной службы исполнения наказания Российской Федерации контроль по исполнению подозреваемым или обвиняемым требований запрета определенных действий, предполагает выполнение определенного объема не только ряда исполнительских мероприятий, но и соответствующих финансово – организационных, что, на наш взгляд, может представлять собой некоторую сложность.

Кроме того, мера пресечения в виде домашнего ареста также предполагает выполнение определенных ограничений, которые могут быть определены судом и при

избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий, поэтому, полагаю, необходимо определить более конкретные различия между указанными мерами пресечения.

Необходимо также отметить, что, несмотря на обозначенные проблемные вопросы, возникающие при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий, анализируемая нами мера пресечения по праву занимает достойное место в системе мер пресечения в Уголовном процессе России.

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федеральный закон от 18 апреля 2018 № 72-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 17. Ст. 2421.

Нургалеев М.С., Петров Е.Н.

Понятие параллельного импорта, его правовое регулирование и особенности регулирования параллельного импорта лекарственных средств в Европейском Союзе

*Российская государственная академия интеллектуальной собственности
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/sr-10-12-2019-31

idsp: sciencerussia-10-12-2019-31

Аннотация

В статье авторами рассматриваются вопросы параллельного импорта в Европейском Союзе, приводятся различные мнения к определению понятия «параллельный импорт». Приведены нормативно-правовые акты, регулирующие параллельный импорт лекарственных средств. Авторы отмечают, что принципами правового регулирования параллельного импорта в ЕС является свободное движение товаров на внутреннем рынке Европейского Союза и, одновременно, региональный принцип исчерпанию исключительных прав на товарный знак внутри объединённого рынка ЕС. Парламентарии ЕС говорят о преимуществах единого принципа исчерпания исключительных прав на товарный знак, вместе с тем дискутируют о возможности применения международного принципа исчерпания прав. Решение вопроса о дальнейшем совершенствовании европейского законодательства в отношении правового регулирования параллельного импорта, в том числе лекарственных средств становится все более актуальным.

Ключевые слова: Товарный знак, исчерпание исключительных прав, параллельный импорт, лекарственные средства.

В настоящее время в специальной и юридической литературе все чаще стало встречаться понятие параллельного импорта.

На уровне юридической доктрины, одобренной Комиссией ЕС, действует следующее определение параллельного импорта: параллельный импорт (parallel import) или параллельная торговля (parallel trade) связаны с продажей товаров, которые идентичны или существенно схожи с товарами, которые выводятся на рынок через официальные дистрибьютерские сети производителей или оригинальных поставщиков, по продаются за пределами таких сетей, часто параллельно с ними.

По мнению М. Борзовой и М.С. Нургалеева, «параллельный импорт – понятие не совсем правовое, а, скорее, доктринальное, так как регулируется данная категория